

Жанна убеждала себя в том, что все происходящие неприятности временны. Но эти странные звонки и слезка... Кто-то явно решил превратить ее жизнь в кошмар. Она боялась обратиться за помощью. Боялась, что кто-то начнет копать в ее прошлом. Следователь Катя Скрипковская решает помочь Жанне. Оказалось, что и звонит, и следит за своей жертвой женщина.

Между ними есть некая связь, которую Жанна держит в тайне. Но почему? Катя жаждет понять, какую игру затеяла женщина. Что или кого так тщательно скрывает Жанна? И кто она на самом деле?

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-5431-2

9 786171 1254312

НАТАЛЬЯ КОСТИНА
Я знаю, как ты дышишь

НАТАЛЬЯ КОСТИНА

*Я знаю, как
ты дышишь*

*Я знаю,
как ты дышишь*

НАТАЛЬЯ КОСТИНА

*Я знаю,
как ты дышишь*

Роман

ХАРЬКОВ КЛУБ
2019 СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

УДК 821.161.1(477)
К72

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Дизайнер обложки Сергей Ткачев

ISBN 978-617-12-5431-2

- © Костина-Кассанелли Н., 2019
- © DepositPhotos.com / digieye, olly18, обложка, 2019
- © Книжный клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2019
- © Книжный клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2019

Wait a second, let me catch my breath.
Remind me how it feels to hear your voice.

Подожди секунду, дай мне перевести дыхание.
Напомни мне, каково это — слышать твой голос.

Алан Волкер

— Ах, не слушайте бедную женщину, мессир.
В этом подвале уже давно живет другой человек,
и вообще не бывает так, чтобы все стало, как было.

М. Булгаков. Мастер и Маргарита

Телефон на столе зазвонил. Зазвонил снова — в пятый раз за последний час. Да что это всем сегодня нейметя, а?! Аппарат на мгновение замолчал, а потом опять задрезжал.

— Рабочий день уже окончен! — рывкнула в трубку старлей Скрипковская. — Ну? Говорите! Тим, это ты? — добавила она уже не командным, а своим обычным голосом. — Не молчи. Я же знаю, как ты дышишь! И почему ты звонишь мне сюда, а не на мобильный?

— Потому что ты его выключила, — наконец сказала трубка голосом мужа. — А я стою внизу. Выходи. И... я тоже знаю, как ты дышишь! — Он засмеялся.

Они поженились три месяца назад, но Катя все еще не могла привыкнуть ни к новой фамилии Скрипковская-Тодрия, ни к кольцу на безымянном пальце — пальце, напрямую связанном с сердцем, как утверждают некоторые, поэтому кольцо Катя не снимала даже на ночь, — ни со своим статусом замужней дамы. Да и дома теперь нужно было появляться вовремя... интересно, почему? Два года они жили точно так же, как и сейчас, — минус кольцо и штамп в паспорте, и она могла являться когда вздумается, а теперь Тим косо смотрит, когда у нее завал... а завал у нее всегда! Сегодня же и вовсе за ней на работу явился!

Она уже закрывала за собой дверь, как телефон грянул снова.

— Проклятая штукенция!.. — буркнула Катя, но все же протянула руку. — Скрипковская слушает!

— Какая такая Скрипковская? — поинтересовалась трубка. — У нас такой нету!

— Игорь, меня внизу муж ждет и мне не до шуток! — бросила она.

— О как! — удивился друг, соратник и теперь тоже женатый человек по фамилии Лысенко. — Надо же! Кстати, Катька, почему все-таки ты двойную фамилию взяла? Меня любопытство так и раздирает!

— Когда уже оно тебя окончательно раздерет? — ядовито поинтересовалась она, но Лысенко не обиделся. Поскольку принимал непосредственное участие в ее личном счастье и всем прочем, включая свадьбу на бог знает какое количество гостей. Когда Катя робко сказала, что можно скромно посидеть... ну, даже и дома — чем плохо? — будущая свекровь так вскинула брови, будто всем тут же должно было стать ясно: ее единственный сын явно выбрал не ту. Дома! Еще сказала бы — у нее дома! Да, квартира большая и в самом центре, но — привести сюда посторонних?! О господи!

Катя вспомнила, как свекровь уселась на самом краешке старого дивана, будто боялась, что он рассыплется и она окажется на полу... или что его ржавые пружины испачкают ее безупречный кремовый английский костюм, коварно подобранный прямо сквозь обивку.

— Катя, — многозначительно промолвила Лидия Эммануиловна, женщина с манерами королевы и дворцовым же отчеством, которое Катя при первом знакомстве не слышала и несколько раз в разговоре назвала мать Тима Андреевной, пока он ее вежливо не поправил — слава богу, поправил он, а не услышала такое она сама! Катя со стыда бы сгорела! Тем более где Эммануиловна, а где Андреевна! И почему вдруг — Андреевна? Этого она, увы, объяснить не могла. — У вас тут, разумеется, очень...

э-э-э... уютно, но... Но! — Лидия Эммануиловна подняла длинный острый палец. — Боюсь, мы все тут не поместимся!

Большой овальный стол посреди комнаты раздвигался, становясь вдвое больше, если было нужно. Да, конечно, когда за него садились сама хозяйка, Игорь Лысенко, Бухин с женой, Тим и Боря Бурсевич, все было в порядке, но если еще и родители Тима, и ее мама... и Наталья с Антоном... может быть и тесновато! В конце концов, к овальному можно придвинуть и стол с кухни, о чем она робко заикнулась, но напоролась вдобавок к указующему персту на такой взгляд, что только пролепетала:

— Ну... в кафе тоже можно...

Действительно, неподалеку от дома есть замечательное кафе — в переулке, тихое и уютное, они с Тимом не раз заглядывали туда, чтобы выпить кофе и унести в пакете горячие фирменные слойки — Катя любила с кремом, а Тим — с мясом и кинзой.

— Разумеется, разумеется! — проворковала Лидия Эммануиловна. — Я уже присмотрела хороший ресторан!

— У нас тут совсем рядом... — начала было Катя, сжимая руку жениха. — Правда, Тим? Наше любимое кафе!

— Это забегаловка какая-то! — отмахнулась Тимова мамаша, и даже жемчуга на ее точеной шее выразили холодное перламутровое презрение. — Что скажут родители Отара Шалвовича!

Сам Отар Шалвович в прениях не участвовал — веселый отец Тима, который с будущей невесткой всегда был приветлив, благоразумно удалился в кухню — осваивать новый кофейный аппарат, им же и подаренный. На кухне было подозрительно тихо: то ли будущий свекор читал инструкцию, то ли решал кроссворд, но скорее просто не захотел идти наперекор жене — видимо, ему уже и дома хватило

всего: «единственный сын», «не ударить в грязь лицом», «что скажут родственники» и прочего.

— А они что, тоже приедут? — не удержалась Катя. — Далеко ведь!

— Конечно, приедут! Можно даже не сомневаться! Свадьба для грузин — святое! И бабушка с дедушкой будут, и дядя Дато, и тетя Кетеван, и Давид, и Михо, и Автандил с Мириам, и двоюродные братья все... Ну и моя сестра с мужем, и Томочка...

— Конечно!.. — успела вставить Катя. С Томкой, сестрой Тима, они теперь были в прекрасных отношениях, и ей она действительно будет рада!

— ...и не забыть Звиада и Илико! Столько людей, а в этом кафе убогом и повернуться негде! Да и Русико, крестная Тимура! И ее сестры: Тина, Софико, Татия... Ну и мои самые близкие подруги, конечно. Таня и Лена.

После всех перечисленных, от которых кружилась голова, Таня и Лена, подруги свекрови, коих оказалось всего две, были просто бальзамом на душу... Но как быть с многочисленной родней с грузинской стороны? Как и где всех разместить, при этом никого не забыть и, не дай боже, не перепутать?! Кто Автандил, кто Михо, а кто — Дато?! Не смешать в одну кучу степень родства и свойства: кто кому сват, крестный, племянник, свояк, золовка, троюродная бабушка со стороны крестной второй жены, поэтому ее нужно посадить по правую руку от невесты и при этом ни в коем случае не слева от тещи!

— Может, не надо... — дернулась Катя, но Тим вовремя поймал ее пальцы и сжал их.

— Платье нужно непременно белое и непременно в пол! И никакого платья из проката, которое неизвестно кто надевал, — только новое и только шить! Я взяла несколько каталогов, вот, захала по дороге... хотя не знаю, не увере-

на... этот вопрос можно будет обсудить отдельно, ну, скажем, завтра! Платье — вопрос первостепенный! Давайте все-таки посмотрим, просто чтобы сравнить... Я тут выбрала из нашего семейного альбома, так сказать, в порядке ознакомления. — Лидия Эммануиловна разложила глянцевым веером с десятков снимков. — Мне лично нравится вариант с гладкой юбкой, но сейчас почти у всех эти дурацкие кринолины! И у дочери Тамрико, и у Этери... А, вот оно! Вот это! Когда выходила племянница Софиико и мы ездили... очень удачное было платье, да! Не совсем такое, как я себе представляю свадебное, но нечто в таком роде и нужно!

Они с Тимом договорились, что оба будут в белых джинсах, черных майках и в кедах с яркими шнурками!.. Катя кусала губы. Платье черноглазой, чернобрововой и крутобедрой племянницы Софиико — вылитая Софи Лорен в молодости — с голой спиной и с высоко поднятой корсетом грудью не нравилось ей категорически.

— Нет! — сказала она решительно. — Я такое не хочу! Мы с Тимом...

Она чуть было не брякнула про джинсы и шнурки, но очень вовремя появился Отар Шалвович, неся на подносе благоухающие чашки. И молоко он перелил из пакета в молочник — Катя даже забыла, что он у нее есть! И сахарницу, кажется, того... отмыл. Ей стало стыдно за все разом: и за свою бесхозяйственность, и за паутину в углах, и даже за то, что она не лучший вариант для их единственного сына... впервые стало стыдно за это. Ну или почти стыдно. А за паутину совестно было однозначно. Она, конечно, знала, что визита Тимовых родителей нужно ожидать, — но не так же скоро?! Во всяком случае, сегодня она их точно не ждала! Свадьба, оказывается, такое сложное мероприятие! И его нужно планировать как минимум за два месяца, а лучше и вовсе за полгода! И платье шить! Которое потом

никуда больше нельзя будет надеть! И по стоимости оно будет как вся ее зарплата за год, если не больше!

— Нет! — повторила Катя. — Я не хочу!

— Да никто и не заставляет! — Лидия Эммануиловна деликатно смочила в чашке губы и бросила фотографию обратно на стол. — Я тоже не хочу! И я бы такое сроду не надела! Корсет! Вся грудь наружу! Вчерашний день! Безвкусица! Но вот юбка! То, что надо! И вы меня в обратном не переубедите!

— Ли-и-идочка... — примирительно прогудел Отар Шалвович, — ну что ты кипятишься! Никто же и не настаивает. Кате и самой не нравится! Будет все, как она захочет!

Был прекрасный момент, чтобы сказать про белые джинсы, уже купленные, кстати! И Тим просто обязан был ей в этом помочь! Но он вдруг зачем-то стал перебирать эти проклятые фотографии и расспрашивать у маман, кто, где и когда, а также как это он не поехал туда-то и туда-то, а она все заглядывала через его плечо и два раза даже открыла рот, но... почему-то смолчала.

— Пейте кофе, Катюша, — придвинул ей чашку отец Тима. — Пока не остыл.

— Спасибо! — Она взяла чашку с полагающимся к ней блюдцем — тоже отмытым и даже протертым до блеска полотенцем, кстати, — и горестно вздохнула.

* * *

— Ты чего вздыхаешь? — спросил вездесущий Лысенко, материализовавшийся прямо у нее за спиной. — Тебя ж вроде муж ждет, и вообще все в шоколаде?

— Так, — неопределенно бросила Катя. — Вообще...

— Вообще надо жизни радоваться! Вот мы с Лилькой живем и радуемся! В воскресенье с Кирюхой в кукольный театр идем!

Внезапное превращение разгильдяя и бабника Лысенко в примерного семьянина было столь непредсказуемым и невероятным, что Катя только еще раз вздохнула. У них с Лилей было все так, как Катя желала бы для себя: свадьба в тихом семейном кругу и никаких регулярных инспекторских проверок со стороны ближайших родственников. Без окрика «Стой, кто идет?» и без первого предупредительного выстрела в воздух, после которого можно было шарашить по нарушителю прямой наводкой. Она же лично за три месяца семейной жизни таких проверок с предупредительными выстрелами и без пережила уже три! По одной в месяц... Это не считая той нервотрепки, что перед свадьбой! И что, и дальше так будет продолжаться? Или ей стоит сменить замки, номер телефона и вообще поставить квартиру на круглосуточную охрану с лазером внутри, сжигающим все, что вторгается без ее санкции?! В последний раз она обнаружила дорогую свекровь в ванной комнате, куда вошла вымыть руки! И та заглядывала под ее собственный умывальник! Спрашивается, зачем?! Любезная Лидия Эммануиловна, разумеется, ничего не сказала, говорила в основном она, Катя. От испуга и неожиданности такого наговорила, признаться... что родственница, кажись, пропустила плановую проверку и теперь явится не скоро... И зачем это Тимка дал ей ключи, вот вопрос?!

— Тим, где наши ключи? — строго спросила она.

— У меня. — Муж несколько растерялся. — Мы едем домой? Или пешком идем?

— Пешком, — решила она. — Голову проветрить надо. Это твои ключи у тебя. А мои у меня. А запасные где?

— У родителей. Да что случилось, Кать?

— Пока ничего! — загадочно сказала жертва проверок. — Ничего не случилось... пока!

— Ты голову решила проветривать или загадки решать? Я соскучился.

Господи, как хорошо, что Тим пошел характером в отца! То есть и в мать, конечно, немного — любит настоять на своем, — но большей частью все-таки в милейшего Отара Шалвовича.

— Я тоже соскучилась... — Катя прижала его руку через куртку к себе. И зачем они пошли пешком? Могли и на метро поехать, и даже Лысенко мог подвезти, если бы она попросила. Быстро бы добрались домой, поднялись по темноватой, до последней щербатой ступеньки знакомой лестнице, открыли бы дверь в привычное тепло... Да, а там Лидия Эммануиловна и не метено! Не говоря уж о влажной уборке! И летняя обувь не вычищена и валяется вперемешку с зимней! И во всем виновата она, Катя! Потому что мужчина не должен убирать в доме! И уж тем более не должен отскрести грязь с ее босоножек и закидывать их на антресоли! Да уж... и окна мыть она не любит... и постельное белье у нее не накрахмалено, и даже — вот ужас! — не выглажено с двух сторон, и кастрюли не сияют, будто их купили только вчера!

— Тим, а почему запасные ключи у твоих родителей? — запустила она пробный шар. — Почему их Томке не отдать? Ты же с ней каждый день видишься, если что?

— Если что, мы с Томкой разъезжаемся в разные концы после работы и поймать ее потом невозможно! А родители ближе и все время дома!

«Ага, дома они... У нас они в основном дома!» — грустно подумала Катя и вздохнула. Сегодня вечером в ее звуковом сопровождении преобладали вздохи.

— И я у них часто бываю, — жизнерадостно продолжал Тим. — И мама всегда может подвезти, если что!

— Если что... — протянула она. — Угу...

— У тебя что, голова болит? — внезапно обеспокоился муж.

— Нет! — поспешила заверить его Катя. — Ничего не болит!

— А мне показалось...

— Тебе показалось! — твердо добавила она. — Ничего не болит, Тимка... — Она снова прижала его руку, а потом потянулась и потерлась носом о его щеку. — Правда-правда!

— Зря мы пешком идем... холодно, и грипп кругом!

— Ага! Как выскочит! — внезапно развеселилась она. — А я без оружия!

— Ты всегда во всеоружии! — Муж посмотрел на нее таким любящим взглядом, что Кате стало жарко. Она потянула на куртке змейку вниз и сняла перчатки. Затем сунула руку к нему в карман.

— Ого, какая горячая! — удивился Тим. — Катька, ты действительно часом не заболела?

Врач в нем никогда не уходил далеко, и она даже рассердилась:

— Ты мне еще температуру померь прямо тут, на улице!

— И померю! — Он привлек ее к себе, потрогал губами лоб, щеку, потом поцеловал в уголок губ: — Нормально... жить будете, пани Тодрия!

— Скрипковская-Тодрия! — надменно сказала она, заправляя под шапку прядь волос.

— Пардоньте мое невежество! — расшаркался он. — Никак не могу привыкнуть! Хотя ты могла бы называться просто Тодрия... чем плохо?

— Тим, давай не будем, — быстро попросила она. — И потом, воздух холодный. Если я буду разговаривать, а тем более спорить, я точно простужусь! А мы пошли пешком, чтобы я дышала, а не простужалась!

— Да и подарки уже пора присмотреть... твоей маме... и моей!

— Подари ей новый фонендоскоп, — стараясь держаться в рамках светского тона, проговорила Катя и тут же мысленно добавила: «Чтобы она приходила с ним к нам, и оставалась ночевать в соседней комнате, и втыкала его в уши, и прикладывала к стенке, чтобы слышать все!»

— У нее хороший фонендоскоп...

— И хорошие кастрюли, и тарелки, и чайник тоже хороший... и характер... — Она все же не смогла сдержаться, чтобы не выпустить эту шпильку, но Тим, кажется, ничего не понял.

— Кстати, о характере. Мама говорит, что ты ее напугала!

— Что-о-о?! — Катя даже выдернула руку из его кармана. — Когда это я ее напугала?!

— Ну, когда она в последний раз к нам приезжала. Она была в ванной, руки мыла, и тут ты вошла совершенно бесшумно. Она говорит, что от страха чуть не описалась!

— Это я от страха чуть не описалась! — буркнула Катя. — Это я зашла руки вымыть, а она у нас в ванной! И зачем-то заглядывает под умывальник, между прочим! Что она там забыла? — Катя совсем выпустила из виду, что обещала себе быть вежливой и ничего такого Тиму про его матушку не говорить, и вообще желательно ничего о ней не говорить, и не обсуждать ее поведение, потому что... потому что это было некрасиво! Но она все равно не исполняла обещанного и говорила! И обсуждала. Сплетничала, короче. И даже не один раз. И поэтому сейчас она рассердилась еще больше.

— Ну, думаю, причина была. Может, уронила что-то. Или нагнулась колготки подтянуть... как это у вас, девочек, бывает? Или паука увидела. Она пауков очень боится. Если находит, берет паука в бумажку или в банку сажает, несет

на улицу, а сама в это время смешно так пищит: и-и-и-и! И отворачивается от него! И... ты, пожалуйста, не придумывай ничего такого, хорошо?

Катя отвернулась и ничего не сказала. Вовсе она не придумывала! И... пауков ее свекровь боится, как же! Ее и бешеный тираннозавр не устрасил бы, сам бы пищал и обошел десятой дорогой! Да, в ванной у нее полный порядок... теперь. А под умывальником действительно была грязь, но это ведь не ее, Лидии Эммануиловны, дело! И нечего совать свой нос! Испугалась она! Вот ее мама почему-то никуда не заглядывает и не пугается! И не сваливается как снег на голову, хотя у нее тоже есть ключи! И не заставляет свадьбу на триста человек, и не заставляет Тима чувствовать себя не в своей тарелке, как чувствовала она, Катя! «Правда, платье было умопомрачительное, — внезапно подумала она. — Жаль, что его больше никуда нельзя будет надеть...» Платье было не совсем белое, а скорее обожаемого свекровью цвета слоновой кости — но этот цвет так шел к Катиным рыжим волосам и вообще оказался и ее любимым тоже! Платье облегало ее как перчатка, оно было лаконично и вместе с тем роскошно: струящийся подол, ласкающий колени, длина, заставляющая ее чувствовать себя женщиной при каждом шаге в томительном шорохе шелка, и кружевной, под самое горло, верх с кружевными же длинными рукавами. Кружево было чуть темнее ткани, отчего казалось старинным, и на его фоне Катины медно-кованные, уложенные в высокую прическу волосы выглядели и вовсе фантастически! Да... жаль, что это платье так и будет висеть в шкафу... а потом она растолстеет, потому что Тим кормит ее как на убой и только и мечтает о том, чтобы она и вовсе ушла с работы, как настоящая восточная женщина: сначала в декрет, а позже он что-нибудь придумает, будьте уверены!

* * *

«Будьте уверены, — сказал ей тогда закройщик в ателье, вовсе не старый, как она себе его представляла, а молодой плечистый парень, — это платье будет единственным в своем роде!»

— Да-а-а... — задумчиво протянула она, коснувшись шероховатых и одновременно шелковистых кружев и с неохотой закрывая шкаф. — Жаль!

Катя где-то читала, что в Америке есть традиция передавать свадебные платья по наследству: их хранят, а потом слегка перешивают, подгоняя под очередную невесту. Или же невест специально подбирают под размер имеющегося платья? Потому что как, например, можно подогнать платье сорок шестого размера на пятьдесят восьмой? Это обратно запросто, а когда с трепетной лани да на слона...

— Катя, ужинать иди!

— Иду! — откликнулась она и окончательно захлопнула дверцу. Лучше ничего не говорить Тиму о том, что она будет хранить платье, чтобы передать его потом дочери или невестке, потому что Тимка сразу же переведет стрелки на то, что у них до сих пор нет ни дочери, ни сына! А еще лучше — обоих сразу, хотя со свадьбы прошло всего три месяца! И вообще, она не собирается...

— Ты чего надутая такая? — Тим сгрузил на ее тарелку дымящуюся отбивную и целую гору картофельного пюре. — Я тебе тост зажарил!

— С картошкой? — саркастически осведомилась она. — Тимка, ты каждый день зажариваешь мне тост, хотя прекрасно знаешь, что я не буду есть его с картошкой! И с макаронами тоже! И даже с пельменями не стану! Тем более с этими... как их... хачапури?... Хинкали! И с пиццей я тоже хлеба не ем! И не заедаю им роллы! И зря ты покупаешь хлеб и вообще мучное в таком количестве!

— Давай-ка я тебе действительно температуру измерю! — озадаченно сказал доктор Тимур Тодрия. — Что-то ты слишком раскраснелась...

— Тимка, прекрати! — воскликнула она и в забывчивости откусила кусочек тоста. Тот был прожарен как раз в меру и не в меру был намазан сливочным маслом. Словом, сказка, а не тост. Он просто таял во рту, а в обед она ничего не успела, потому что думала, что еще успеет, но как-то все закрутилось, и к тому же Бухин посетовал, что забыл дома коробку с обедом. А у нее еще аппетита не было... А откуда, спрашивается, ему взяться, если она была только из морга, от утопленника, который месячной свежести, и патологу как раз вздумалось подробно обсуждать содержимое его желудка?! И она сказала, что Сашка вполне может взять половину, чего Тим ей наготовил, а Тим всегда накладывает столько, что просто ужас, и она ест, ест... И куда ей столько съесть?! Да, и когда она наконец явилась, оказалось, что Бухин съел все! Задумался и съел. Ну и на здоровье, конечно, тем более, как выяснилось, Тим положил ей только фруктовый салат, как она и просила, — в кои веки сделал так, как она просила, а не натолкал туда десяток оладий! И стакан сметаны! И она хотела спуститься и купить себе пирожок, но тут пришел Лысенко и ни за какими пирожками она, конечно, уже не пошла... Ни за теми, что с капустой, ни за теми, что с картошкой... Господи, она и хлеб, и пюре — все смела подчистую! Хотя собиралась только салат из морской капусты к мясу, и все! А картошку сгрузить обратно в кастрюлю, как только Тим отвернется! А Тим не отворачивается и почему-то так на нее смотрит... Как все-таки хорошо, когда мужчина умеет готовить! Надо наконец сказать ему это... или не надо?

— Все хорошо? — спросил Тим.

— Угу! — пробурчала она неопределенно, потому что набила рот до отказа. И мясом, и салатом, и подчищенными остатками картошки, от которой толстеют.

— Ты сегодня хоть пообедала, а?

— Угу...

— Кать, нельзя так над собой издеваться...

— Я пообедала! — быстро сказала она. — Там был фруктовый салат! Очень вкусный! Спасибо!

Он немного утомился, тем более что она не выкинула картошку в кастрюлю и не отодвинула тост, а готова была, кажется, еще и добавки просить. Он любил смотреть, как она ест: изящно и аккуратно, даже когда очень голодна. А она сегодня была очень голодна — он бы голову дал на отсечение! Он был специалист как раз по головам, нейрохирург, и когда-то видел, что у нее там, внутри, под аккуратно наложенными им лично швами... хотя это — то, что внутри — просто форма существования белковых тел, одинаковая у всех. Иное дело — почему одни люди тебя трогают, а другие оставляют совершенно равнодушным, хотя ты знаешь, что они достойные, и умные, и талантливые... и даже красивые! Но он почему-то любил только эту женщину, такую знакомую и даже предсказуемую. Вот сейчас она скажет: «Зачем ты в меня это все впихнул?»

— Зачем ты в меня это все впихнул, а? — недовольно сказала Катя, и он рассмеялся.

— Ну и чего ты смеешься? — недоумевала она. — И вообще, дайте мне десять пачек таблеток от жадности, доктор!

— Мадам! — Он сделал круглые глаза, с ходу принимая предложенную роль. — Вы только полчаса назад купили у нас пятнадцать упаковок!

— Ой! — сказала Катя. — Я перепутала анекдот! Это были не от жадности, а для похудения таблетки! И я не наелась...

— У нас есть еще печенье к чаю, — сказал Тим, все еще смеясь. — Прекрасное печенье из пачки, хотя на нем и написано «К кофе». Но кофе я бы тебе на ночь все-таки не рекомендовал!

* * *

«Я бы тебе все-таки этого не рекомендовал», — сказал Лысенко вчера, а она его не послушала, и весь день пошел как попало. Ничего она не узнала, только потратила кучу времени, устала как собака и пришла в ту же точку, откуда и начала. Даже хуже: время ушло, а она топчется на месте... и ничего не сдвинулось. От слова «совсем»! — потому что она очень упрямая... очень! Но иногда это помогает в жизни. Тоже очень. Только вчера не помогло... от того же слова «совсем»!

— Катерина, результат есть?

Опять этот телефон! Да еще и Сорокина в нем!

— Никак нет, Маргарита Пална...

— Так что же ты делаешь? — сварливо осведомилась Ритка Сорокина.

Кате хотелось сказать: «Груши околачиваю», — но груши вместе с другими фруктами вчера схарчил Бухин. Или никаких груш там и вовсе не было?

— Я работаю! — огрызнулась она.

— Работай-работай... девушка с двойной фамилией!

— Слушаюсь, товарищ фельдмаршал, — буркнула Катя.

— Что?.. — то ли не расслышала, то ли действительно не поняла следователь по особо важным, поскольку фоном в трубке шел какой-то рев: взлетал кто-то в прокуратуре или же садился? Скорее, конечно, садился, и сразу по нескольким статьям, — это Сорокиной раз плюнуть! Как и настроение на весь день испортить.

— Постараюсь, говорю! — заверила оперативник Скрипковская.

— Старайся! — припечатала прокуратура и утомилась. На время, конечно.

Ноябрьский день снова начал исчезать, не успев начаться. Серость за окном, серость, в которой ничего не понять в этом чертовом деле... Уехать бы куда-нибудь — улетают же птицы в теплые края? Однако отпуск потрачен полностью, и никто ее не отпустит. Даже на неделю. Да какую там неделю! Даже на три дня! «А если заболеть? — вкрадчиво поинтересовался внутренний голос. — Кругом же грипп!» А что, это идея! Вот и Тим вчера ее щупал и говорил, что она как-то подозрительно раскраснелась. Нет. Если она сейчас уйдет на больничный, который, разумеется, легко могут организовать ее новые родственники и помимо ведомственной поликлиники, Сорокина просто взбесится. А Лысенко обидится. Да и Тим скажет, что в их бюджете поездки в теплые края так часто не предусмотрены, хотя денег им на свадьбу надарили будь здоров, она даже не ожидала! Ох... надо же действительно что-то придумать для Сорокиной! А то сегодня четверг, завтра пятница, а там и выходные! А Ритке все равно, выходные там или государственные праздники, — она на шею сядет и не слезет от конечной до конечной! Да, пятница уже завтра! Вот и хорошо, что пятница! Маленький, но праздник. Лысенко поведет свою драгоценную Кирюху в кукольный театр, а они с Тимом... ой, нет, только не к его родителям! Что это за мода такая — каждые выходные к родителям? Ладно, пока еще тепло было, на дачу, там хоть спрятаться было можно: на речку пойти или как бы в лес по грибы, — а сейчас что у них делать? Все семейные фото пересмотрены, она уже стала различать их грузинских родственников! И даже отличать женщин с усами от мужчин без усов!

— Сашка, ты что на выходных делать будешь? — грустно спросила Катя у напарника, потому что ей самой, похоже, таки грозили выходные со свекровью под шарлотку и бесконечные намеки, что «прошло уже так много времени, а мы еще не качаем на коленях внуков!» Да и про работу ее непременно что-нибудь этакое ввернут. Да гори она огнем, действительно, эта работа! И особенно безнадежное сорокинское дело!

— Мы с девчонками в кукольный театр идем! — бодро доложил Бухин.

— Вместе с Лысенками, что ли?

— Ага!

«Осталось только мне кого-нибудь родить, — внезапно подумала Катя, — и будем ходить все вместе!» Нет, вместе у них не получится. Потому что пока она соберется с духом и действительно забеременеет, лысенковская Кирюха, бойкая до невозможности, наверняка выскочит замуж и нарожает Игореше внуков! Или Сашкины Даня и Саня, их с Дашей близнецы-двойняшки, кого-нибудь сообразят! Девчонки, они на это дело быстрые... все! Кроме нее! Она лично вообще не понимает, как это: уйти с работы и сесть дома с ребенком! Что она будет целыми днями делать с этим самым ребенком?! Который лет до двух даже разговаривать с ней не сможет?! Зато будет звонить свекровь и разговаривать... это уж как пить дать! Советы давать! Ценные! Или являться с проверками! Нет ли у ее дорогого внука диатеза или еще чего-нибудь по Катиному недосмотру, а она, то есть Катя, и не мать ему будет, а просто выносивший для них долгожданное продолжение инкубатор! Кстати, что такое диатез?

— Саш, что такое диатез? — тут же спросила она, потому что не любила неясностей. Никаких. Ни в отношениях, ни

в делах, ни в жизни. Особенно по четвергам и накануне пятницы!

— У Даньки — на апельсины, а у Саньки — на шоколад! — объявил Бухин. — Поэтому не даем ни того, ни другого! Одной дай — вторая орет, а порознь они никогда не бывают!

— Так это что, пищевая аллергия? — пыталась прояснить проблему до конца Катя.

— А тебе это зачем? — Бухин почему-то ответил вопросом на вопрос, и Катя совсем расстроилась.

— Низачем! — буркнула она.

Действительно, зачем ей про диатез? Ей надо план оперативных мероприятий по сорокинскому делу быстро придумать, а она почему-то думает совсем в другую сторону! Про кукольный театр, детей, внуков, инкубаторы и диатез! Еще даже в декрете не сидела, а мозги, похоже, уже начали усыхать!

Катя открыла файлы по делу и уныло принялась изучать их. Зацепиться больше не за что. Все, что могла, она и так сделала! И даже больше, учитывая вчерашнюю вылазку! Что Сорокина от нее хочет, чтобы она выше головы прыгнула? Сама пускай думает, на то она и важняк! А Катя даже не может ни одной пристойной версии выдвинуть, что ее свекрови было нужно под их умывальником, кроме как обследовать, все ли там чисто! Вон, Тим и то сказал, что она колготки свои рассматривала — все ли в порядке! А Катя даже не заметила, были на свекрови колготки или нет, — у нее была своя версия, и точка! Как у Ритки Сорокиной, которая если что-то придумала, так и козловым краном ее не сдвинешь! А может, действительно она ничего там не рассматривала? А у нее спину прихватило, и она делала упражнения на растяжку, вот! Прекрасная версия! Жаль, с сорокинским делом так просто нельзя... нет там никаких версий! Одни

только допущения с натяжками, они же растяжки! Дохлое дело, но как Маргарите Палне это втолковать?!

— Скрипковская, она же Тодрия, ты там сильно занята?

— Совсем не занята, если честно, — откровенно сказала она в трубку, хотя Игореша теперь был как бы начальство: пока и. о., но там, глядишь, и приказом назначат... Лысенко явно идет в гору!

— Ну тогда иди, я тебя нагружу! — весело пообещал он.

— А Сорокина как же? — уныло спросила Катя. — Она мне только что звонила! Только я тебе сразу скажу: там дело тухлое. Моей фантазии не хватает. А что она от меня хочет, я не знаю!

— Ты иди, — загадочно произнес Лысенко. — Может, я тебя больше развеселю!

* * *

— Мда... — сказала Катя. — А обещал — я тебя больше развеселю! И где тут веселье? Сплошной мрак и ужас!

— Ну так... работа такая! — Майор и и. о. подполковника развел руками. — Зато от Сорокиной отвяжешься! Или она от тебя. Правда, временно.

— Даже не знаю, что лучше! — Катя скривилась. — Все такое вкусненькое! И от всего диатез!

— У Кирки почесуха от шоколада, но она его так любит, что я просто не могу удержаться!

— Она любит, а ты удержаться не можешь? Где логика?

— В любви нет никакой логики! — отмахнулся Лысенко. — Я ее люблю, и все! И потом, Лилька ей все равно какое-то лекарство дает, потому что у нее от половины продуктов почесуха, но она ж не может ее из садика забрать и сидеть с ней дома!

— А почему? — заинтересовалась Катя. — У тебя ж индюки, и вы себе можете позволить...

— Нету у меня никаких индюков! — Игореша понизил голос и зачем-то даже оглянулся на дверь. — Нету!

— Да ладно! — Катя махнула рукой с золотым ободком обручального кольца — новенького кольца, еще не исцарапанного и не потертого. — Все знают, что на самом деле они у тебя есть!

— Лилька ни за какие коврижки не станет дома сидеть, — сказал пугливый владелец противоположной индюшиной фермы. — У нее работа!

— У меня тоже работа, — пробормотала Катя. — Только никто с этим не хочет считаться!

— Что, уже семейные радости пошли? — поинтересовался прозорливый начальник.

— Да так... — уклонилась Катя. — Пока что мелкие недоразумения!

* * *

— Это все — мелкие недоразумения! — твердо заявила ей утром Сорокина и бухнула на стол пачку распечаток. — Вот! Работай! Вечером доложишь! Оно все стыкуется, жопой чувствую! — добавила неугомонная следачка, от которой Лысенко вчера так легкомысленно пообещал ее избавить. Как же! Не родился еще тот опер, который бы отвязался от Ритки! Чтобы от нее отделаться, нужно либо помереть, либо... «Нет, только не в декрет! — ужаснулась Катя. — Я пока не готова». Да, она точно не готова! Хотя почему-то эта мысль стала посещать ее все чаще и чаще! Почему? Может, Тим ночью на нее смотрит и нашептывает прямо в ухо? Что-то она слышала про такой вот гипноз. И с него станется!

Катя уныло посмотрела на гору бесполезных бумаг: хотя Сорокина и чувствовала здесь нечто весьма важным для прокуратуры органом, Катя, со своей стороны, считала, что они все равно ничего не докажут. Потому что хитроумный

подозреваемый попросту не оставил следов. Или подчистил все так, что ни Сорокиной, ни тем более Кате, опыт которой просто не позволял решать такие задачи, найти ничего не удастся. А понять, где то место, в котором спрятано решение, она не может. Ну не ясновидящая она, и все тут! И вообще, ее уже через два часа Тим ждет! Они договорились сегодня устроить маленький праздник. Сходят в свое любимое кафе, потанцуют, а потом вернутся домой и, возбужденные музыкой и романтической обстановкой, займутся любовью... Об этом, конечно, они не договаривались, но... так оно и будет! Потому что так должно быть и потому что она этого хочет. А вот в декрет не хочет ни за какие коврижки. Как и браться за сорокинские измышления. Да, а если у них с Тимом вдруг появятся дети, они уже не смогут никуда ходить! И заниматься любовью тогда, наверное, они будут очень тихо, поскольку...

— Да что ж я зациклилась на этих детях!.. — в сердцах воскликнула Катя и так брякнула казенной мышью о стол, что несчастное электронное животное едва не испустило дух.

— На каких детях? — тут же живо поинтересовался Бухин. — Дети — это хорошо!

— Ты так думаешь? — Катя бросила испытующий взгляд на напарника. — Ты сам едва живой приплетался, когда у вас двойня родилась, не так, что ли? Рассказывал, что в туалете от них прятался! И на ходу просто спал! И даже радовался, когда они к бабушке уезжали!

— Ну, так они ж уже почти выросли! — легкомысленно заявил Сашка, у которого, видимо, память была короткой. — Это первые... ну, округлим до двух лет, тяжело. А потом...

— Ага. Это как в колонии строгого режима. Два года тяжело, а потом втягиваешься! — мрачно пошутила Катя. — Сейчас все в порядке, да? В садике не дерутся, соплями не болеют, из платьев не вырастают, игрушек не надо...

Кстати, я тут недавно цены на игрушки увидела и ужаснулась просто! А у тебя ж еще все в двойном размере!

— Катька, я не понимаю, — покачал головой проницательный Бухин, — ты меня уговариваешь, что дети — это неподъемная ноша, или себя? Так у меня они уже есть, никуда не денешься! А ты не заводи, если не хочешь. Ты ведь не хочешь, так?

— Кажется, не хочу... — осторожно сказала она. — Это... это ненормально, да?

— Я не психолог! — отрезал Бухин. — И не знаю, нормально это или нет. Тем более ты женщина. Это тебе беременной ходить и рожать. Это больно... и вообще опасно! Хотя ты опер. Беременность — это только девять месяцев. А опер... это... ну, не на всю жизнь, но очень надолго! — припечатал он. — И у тебя, как у опера, уже были опасные моменты!

Бухин явно намекал на то, что несколько лет назад ее едва не убили. Выжила Катя чудом... и вряд ли какие-то там роды опаснее! Но он, кажется, озвучил главное — она не хотела. Ни ходить с огромным животом, ни рожать. А вдруг будет двойня, как у Бухина с Дашкой?! Это просто ужас! Нет, она точно не желает всего этого! Она хочет приходить домой, где тишина... и Тим... и чтобы он был ее, а она — только его...

— Ну, выяснила чего-нибудь?

Лысенко появился так внезапно, что она буквально подскочила на стуле. Или это он ввалился, как всегда, особо не церемонясь, а она попросту не заметила? Замечталась о Тиме, о сегодняшнем вечере, о жизни, где только они вдвоем, а тут, оказывается, кроме них еще полно народу!

— Нет! — буркнула Катя. — Не выяснила! Потому что Сорокина никуда не делась! Загрузила по самое не хочу! Ты же обещал освободить меня от нее? А она опять с утра: снова здорово! Я целый день бегала как заведенная, только

ввалилась! — пошла Катя в наступление. — И все зря! Только ей этого не втолкуешь!

— До людей вообще трудно донести собственную точку зрения, — философски изрек Лысенко. — Ладно. Оставайся с Сорокиной.

— Что-о-о?! — изумилась Катя.

— Да мне себе дороже с ней ругаться! — пояснил новопеченный начальник.

— О господи! — простионала Катя. — Избавь меня от напрасной работы, потому что от другой я не отказываюсь!

— Ну вот и хорошо! — заявил Лысенко. — Потому что от другой я тебя не освобождаю!

— Игорь!

— А что Игорь? — полюбопытствовал тот. — Работы валом! Людей нет! Бурсевич болеет! Практикантов не дали...

— ...а ты в начальники вышел, и тебе теперь некогда! — закончила Катя мысль друга.

— Вот когда ты в начальство выйдешь, сама поймешь.

— Я в начальство никогда не выйду! — Катя поджала губы. — У нас начальники сплошь одни мужики!

— Да потому что у баб то декрет, то больничный, то по уходу за ребенком! А потом по второму кругу, по третьему! А потом бац — и пенсия! — рассердился Лысенко в свою очередь. — А начальнику нужно все время на месте быть! Короче, вот тебе новые материалы и работай! — Он брякнул свою стопку рядом с такой же, полученной Катей от Сорокиной, и без дальнейших расшаркиваний покинул их с Бухиным обиталище.

У Кати внутри все кипело. И даже клокотало. И выплевывалось через край. Да она даже с гриппом на работу ходила! Не говоря уже о постоянных проблемах с головой после ранения! А теперь... теперь Лысенко такое заявил! И это после того, что она думала... считала... Катя проглотила

горький комок, закусила губу, чтобы остановить подступающие слезы, и отвернулась. Не хватало только, чтобы Сашка стал ее жалеть! Или чтобы она сама стала... Потому что все это — и сорокинское, и то, что притащил сейчас Игореша, — ее работа. Которую она сама выбрала и которую хотела. Сама хотела. Никто не подталкивал... Не нашептывал по ночам...

— Все! — сказала она и сдвинула все бумажки в одну сторону так, что получилась куча мала. — Хватит! У меня рабочий день окончен! Если мне положен больничный, я его возьму! Если завтра выходной, то меня никто не заставит выйти! Я даже телефон отключу! И послезавтра тоже! И из отпуска меня никто не отзовет! И... И вообще!..

Опомнилась Катя, только когда Сашка, усадив ее обратно на стул, стал осторожно промокать платком ее злые, неудержимые слезы, приговаривая так, как, наверное, он шептал своим расшибившимся двойняшкам:

— Ну все... Ну не плачь, Ка-а-ать... Все хорошо... все сейчас будет хорошо, а потом еще лучше! Все пройдет... заживет... у собаки боли... у кошки боли... а у Катки не боли!

— Ладно, Сань... — Она улыбнулась и забрала у него платок, потому что он, наверное, все на ее лице размазал. — Все уже хорошо! И у кошки и собаки тоже не боли! Ни у кого не боли! Спасибо, Саш... Это я так... развинтилась что-то! Наверное, просто устала.

* * *

— Устала? — спросил Тим.

Глупости! И не устала она вовсе! Разве от отдыха можно устать? Катя уже потянулась к мужу, чтобы доказать, что она совершенно ни от чего не устала, более того, сил у нее хоть отбавляй, но, вместо того чтобы провокационно стянуть с себя пижаму, она зачем-то запахнула байковый ворот и ткнулась Тиму куда-то в район подмышки.

— Спи! — сказал Тим. — Вот сейчас выключу твой телефон и завтра до самого обеда спать будешь! А потом пойдём подарки покупать.

— Зачем? — уже сонно пролепетала она.

— Скоро Новый год...

— Правда? Мне казалось, еще не скоро...

— И опомниться не успеешь! — заверил ее Тим. — Ты чего хочешь под елочку?

— Новый пистолет. Нигде не зарегистрированный и с кривым дулом. Чтоб застрелить Сорокину — коварно, из-за угла — и спать спокойно всю оставшуюся жизнь! — Катя вынырнула из-под одеяла, потому что ей внезапно стало жарко.

— С кривым дулом? Оригинально, конечно, но... я уже присмотрел тебе такое... интересное, но без кривого дула! Хочешь, расскажу? Нет, передумал, не скажу. Пусть будет сюрприз!

— Тим, ты хочешь, чтобы я теперь до самого Нового года не уснула?! Быстро говори что!

— Ни за что! Стреляй, комиссар, хоть даже из зарегистрированного... и даже из-под кровати! Все равно всех не перестреляешь! А твоей маме знаешь, что купим? Блендер! Это такая крутая штука...

— Я знаю, что это за штука! Только, если честно, я ей плед хотела. Клетчатый. Чтобы мягкий и теплый. И не синтетический, а обязательно шерстяной. А блендер ей не очень нужен, мне так кажется. И вообще, зимой надо дарить мягкое и теплое! И пушистое!

— Ну, может, ты и права... я твою маму люблю. Давай купим ей пушистое!

Кате показалось, что, если он сказал: «Я твою маму люблю», — теперь и она просто обязана произнести: «И я твою, Тимка»... Но... она этого почему-то сказать не могла.

Не могла, и все! И не потому, что Лидия Эммануиловна была совсем не похожа на ее вечно причесанную кое-как и так же кое-как, не по моде, одетую, но уютную, теплую... совсем как тот клетчатый плед, который она собиралась ей купить, маму! Совсем не похожа! Потому что мать Тима была... как блендер! Блестящая, холодная и, наверное, чрезвычайной эффективная! С КПД явно больше ста процентов!

Катя села в постели, потянув одеяло и оставив Тимов бок неприкрытым.

— Ты чего? — спросил он и недовольно завозился, отвоевывая свою часть одеяла обратно. Оно было достаточно большим, но, когда Катя волновалась, она инстинктивно подталкивала край одеяла под себя и так переворачивалась на живот. А потом сразу на бок, наматывая таким образом на себя почти все и оказываясь словно бы в коконе.

— На работе что-то случилось? — все не отставал Тим.

— Ничего, — вяло отмахнулась она. — Так, сорокинские штучки! И Лысенко тоже хорош... Только давай про это все сегодня не будем, а? Вот действительно, выключи ты этот чертов телефон, и завтра буду спать не до обеда даже, а до самого ужина! А за подарками в воскресенье пойдём! Твоей маме — блендер, а моей — плед. А твоему папе...

Она так и не придумала, что они купят его папе, потому что он ей однозначно нравился, и поэтому никакой блендер тут не годился. Тут надо было что-то душевное... и смешное. Или еще один плед? Потому что теплого много не бывает... особенно зимой! Тим не спал и смотрел на нее из темноты, и глаза у него были очень блестящие и темные. Как... у собаки? У нее никогда не было собаки, и, наверное, поэтому она сказала:

— Тимка, а давай собаку заведем?

Он тоже окончательно проснулся и сел рядом с ней:

— Собаку?

Літературно-художнє видання

КОСТИНА Наталя
Я знаю, як ти дихаєш
Роман
(російською мовою)

Керівник проекту *В. А. Тютюнник*
Відповідальний за випуск *К. В. Озерова*
Редактор *С. М. Губська*
Художній редактор *А. О. Попова*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Коректор *Л. Ю. Єрдякова*

Підписано до друку 04.06.2019. Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Minion Pro». Ум. друк. арк. 17,64. Наклад 4750 пр. Зам. №

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»
Св. № ДК65 від 26.05.2000
61001, м. Харків, вул. Б. Хмельницького, буд. 24
E-mail: cop@bookclub.ua

Віддруковано у ПРАТ «Харківська книжкова фабрика «Глобус»»
61052, м. Харків, вул. Різдявна, 11.
Свідоцтво ДК № 3985 від 22.02.2011 р.
www.globus-book.com

Литературно-художественное издание

КОСТИНА Наталья
Я знаю, как ты дышишь
Роман

Руководитель проекта *В. А. Тютюнник*
Ответственный за выпуск *Е. В. Озерова*
Редактор *С. М. Губская*
Художественный редактор *А. О. Попова*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Корректор *Л. Ю. Ердякова*

Подписано в печать 04.06.2019. Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнітура «Minion Pro». Усл. печ. л. 17,64. Тираж 4740 экз. Зак. №

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
Св. № ДК65 от 26.05.2000
61001, г. Харьков, ул. Б. Хмельницкого, д. 24
E-mail: cop@bookclub.ua

Отпечатано в ПРАТ «Харківська книжкова фабрика «Глобус»»
61052, г. Харьков, ул. Рождественская, 11.
Свидетельство ДК № 3985 от 22.02.2011 г.
www.globus-book.com

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093)170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: www.bookclub.ua
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@ksd.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов**

e-mail: publish@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству художников,
переводчиков, редакторов**

e-mail: editor@ksd.ua

Жанна переконувала себе: усі неприємності, що стаються, є тимчасовими. Однак ці дивні дзвінки і стеження... Хтось вочевидь вирішив перетворити її життя на кошмар. Вона боялася звернутися по допомогу. Боялася, що хтось почне длубатися в її минулому. Слідча Катя Скрипковська вирішила допомогти Жанні. Виявилось, що і телефонує, і слідкує за своєю жертвою жінка. Між ними є певний зв'язок, який Жанна тримає в таємниці. Але чому? Катя прагне зрозуміти, яку гру затіяла жінка. Що або кого так ретельно приховує Жанна? І хто вона насправді?

Костина Н.

K72 Я знаю, как ты дышишь : роман / Наталья Костина. — Харь-
ков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2019. — 336 с.

ISBN 978-617-12-5431-2

Жанна убеждала себя: все происходящие неприятности временны. Но эти странные звонки и слежка... Кто-то явно решил превратить ее жизнь в кошмар. Она боялась обратиться за помощью. Боялась, что кто-то начнет копаться в ее прошлом. Следовательно Катя Скрипковская решила помочь Жанне. Оказалось, что и звонит, и следит за своей жертвой женщина. Между ними есть некая связь, которую Жанна держит в тайне. Но почему? Катя жаждет понять, какую игру затеяла женщина. Что или кого так тщательно скрывает Жанна? И кто она на самом деле?

УДК 821.161.1(477)

Каждая девушка мечтает стать Золушкой и попасть в сказку. Однако ждет ли ее там Принц со всеми атрибутами и, главное, будет ли этот Принц добрым? В элитном загородном клубе одновременно оказались целых девять Золушек... а также те, кто желает играть их жизнями. Внезапно от сердечного приступа умирает богатый клиент. Связано ли это событие с одной из девушек и ее прошлым? Правду хочет выяснить писатель Лев Стасов, случайно втянутый в самую гущу событий. У него завязываются отношения, причем сразу с двумя — нет, не Золушками, а вполне зрелыми дамами. Кто станет избранницей Стасова и является ли сердечный приступ убийством?

Наталья
КОСТИНА

ВСЕ, ЧТО МЫ ЕЩЕ СКАЖЕМ

Жасмин — женщина, сбежавшая с дочерью от мужа-деспота и отчаявшаяся найти покой и счастье в чужом городе. Георгий — инвалид, потерявший в автокатастрофе ногу, жену и, похоже, самого себя. Две эти израненные души встретились явно не случайно — им благоволят высшие силы, даруя шанс обрести любовь, о которой оба мечтали. Георгий всем сердцем привязался к чуткой и нежной Жасмин, и она оттаяла, почувствовав себя любимой. И когда муж Жасмин неожиданно находит беглянку и хочет отобрать у нее дочь, женщина-цветок теперь не одна — рядом с ней мужчина, которого она ждала всю жизнь.